

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

**Тюркизмы в текстах художественных произведений А. Платонова
(на примере повестей «Джан» и «Такыр»)**

**Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)**

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Форма обучения заочная

Проверка на объем заимствований:
62,43 % авторского текста
Работа рекомендуется к защите
рекомендована/не рекомендована
« 17 » марта 2023 г.
зав. кафедрой русского языка и МОРЯ

 Глухих Н.В.

Выполнила:
Студентка группы ЗФ-615-075-6-1
Измагилова Яна Жавдатовна
Научный руководитель:
доктор. филол. наук, доцент
Глухих Наталья Владимировна

Челябинск
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	5
1.1 Иноязычная лексика в русском языке	5
1.2 Тюркские заимствования в русском языке	10
Выводы по первой главе	22
ГЛАВА 2. ТЮРКИЗМЫ В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ДЖАН» И «ТАКЫР» А. ПЛАТОНОВА	24
2.1 История создания произведений «Джан» и «Такыр»	24
2.2 Тюркизмы в тексте «Джан»	29
2.3 Тюркизмы в тексте «Такыр»	34
Выводы по второй главе	39
ГЛАВА 3. ДИДАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ УЧИТЕЛЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛОВ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	41
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	45
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	47

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Андрея Платонова – одного из самых известных представителей русской литературы XX столетия – вызывает интерес у лингвистов и филологов. Создатель уникального языка, при помощи которого пытался выразить то, что сам называл «усилием к будущему». Язык произведений Андрея Платонова интересен своим уникальным индивидуально-авторским стилем. Творчество Платонова – это реконструкция понимания идей ушедшей эпохи в новом, чуждом ей сознании. В современной нам ситуации проза Платонова, рождена как результат синхронной переинтерпретации на «новый язык».

Активно исследовалось творчество А. Платонова в начале 90-х годов, тогда и расширился спектр изучения широко известных и заново открытых прозаических произведений писателя. В последние три десятка лет получило развитие направление, связанное с изучением особенностей языка Андрея Платонова. В работах Марии Вознесенской, Сергея Бочарова, Дарьи Колесовой, Бориса Бобылева, Инны Чернухиной, Ирины Кобозевой, Василия Буйлова рассмотрение языка и стиля Платонова проводится на текстовом, грамматическом, лексическом, семантическом, лингвостилистическом уровнях.

Вместе с тем, многие вопросы еще не получили должного освещения. В частности, еще многое можно сделать в этой области, исследуя закономерность и особенности употребления иноязычных слов (тюркизмов) в художественных текстах А. Платонова.

Цель работы – исследовать состав, семантику, функционирование тюркизмов в художественных текстах Андрея Платонова.

Объект исследования – лексемы тюркского происхождения, собранные из текстов повестей А. Платонова «Джан» и «Такыр».

Предмет исследования – семантические группы тюркских языков, особенности употребления, специфика лексем тюркского происхождения в

текстах повестей А. Платонова «Джан» и «Такыр».

В соответствии с поставленной целью и гипотезой исследования определены следующие задачи:

- 1) изучить теоретическую литературу по теме исследования;
- 2) на материале текстов повестей А. Платонова выявить и описать лексико-тематические группы тюркизмов, систематизировать их;
- 3) составить упражнения для работы в школе с использованием слов-тюркизмов.

При решении поставленных задач применялся описательный метод исследования, приемы: сравнительный анализ, структурирование, контекстный анализ.

Структура работы. Поставленная цель и задачи определили структуру работы, которая состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Иноязычная лексика в русском языке

«В современном мире нет языков, в словарном запасе которых не было бы заимствований. Процесс заимствования является следствием развития любого языка в реальной коммуникативной сфере.» [15, с. 27].

Иностранные слова стремительно проникают в разговорную и книжную речь русского литературного языка. Лексика русского языка состоит из исконных и заимствованных слов. Взаимодействие национальных культур в современном мире воспринимается как явление обычное и закономерное. Глобализация привносит в устную и письменную речь носителей национальных языков лексические единицы, пришедшие из других языков. Изучение этих единиц языка и способов их межъязыковой передачи представляет сегодня большой интерес.

Исторически так сложилось, что в европейской научной традиции иноязычные фразы или афоризмы на латыни или древнегреческом языке в текстах различных стилей используется в качестве демонстрации престижа и социального статуса говорящего или пишущего, а также выступают в качестве показателя степени владения иностранным языком. С тех пор многое изменилось, в частности, заимствованная лексика больше не связывается исключительно с процессом интеллектуального или научного взаимодействия народов. Заимствования напрямую касаются повседневной жизни общества.

Процесс освоения национальным языком иноязычной лексики связан с процессом развития самого национального языка. Историю, культуру и опыт конкретного народа хранит именно язык. Иноязычные «вкрапления» как элементы самобытного и самоценного, а также духовного закономерно исследуются историей, культурологией, социологией, социолингвистикой и психолингвистикой.

Даются различные термины для обозначения иноязычных слов в художественном произведении: «иностранные или чужие слова», «экзотизмы», «алиенизмы», «варваризмы», «заимствования».

Ученые-лингвисты давали свою характеристику термину, а некоторые авторы предлагали и свою классификацию иноязычных вкраплений. Понятие «иноязычное вкрапление» впервые применил в своей работе «Иноязычные вкрапления в русскую речь» Алексей Алексеевич Леонтьев, который рассматривал его широко и как противоречащее языковой системе русской речи в процессе передачи специфики использования лингвокультурологических определений в тексте, не обнаруживающих устойчивых связей с каким-либо уровнем языкового строя. Дитмар Эльяшевич Розенталь, рассуждая о иноязычных вкраплениях, именует их «варваризмами» и классифицирует их по двум функциям. Учёный исходит из того, что «варваризмы» (иноязычные вкрапления) должны способствовать передаче соответствующих понятий (реалии и термины) и способствовать созданию местного колорита, а ещё они могут и должны быть средством сатиры для высмеивания в условиях советской действительности людей, преклоняющихся перед всем заграничным (так называемой «иностранщиной»), средством речевой характеристики героев художественных произведений. Б.В. Томашевский, который полагал, что выражения типа «alter ego» настолько прижились в русском языке, что их уже можно отнести к русской фразеологии, хотя они и сохраняют иноязычный облик.

Представляя процесс заимствования в историческом аспекте, лингвисты (Ирина Борисовна Голуб; Леонид Петрович Крысин) выделяют различные группы иноязычных слов с точки зрения их происхождения. «По этому признаку иноязычные слова разделяются на две большие группы: слова, пришедшие в русский язык из близкородственных языков (славянизмы – восточнославянские языки, южнославянские языки, западнославянские языки), и слова, заимствованные из

неблизкородственных языков (западноевропейские языки – западноевропеизмы – англицизмы, галлицизмы, германизмы и др.; восточные языки – ориентализмы – арабизмы, тюркизмы и др.) [25, с. 44].

«Заимствованные слова в составе русского языка отличаются друг от друга по нескольким критериям – по зависимости от времени проникновения в исконно русский язык, закреплённости за определённым стилем речи, частотности употребления в речи, степени освоения их русским языком. По их степени освоения русским языком, заимствования можно разделить на заимствованную лексику, имеющую неограниченную сферу употребления, т.е. лексику, утратившую все признаки нерусского происхождения и не выделяющуюся на фоне русской лексики ни фонетически, ни морфологически, ни стилистически, и на заимствованную лексику ограниченного употребления. К последней, неоднородной по степени освоения русским языком лексике, относятся экзотизмы, которые обозначают бытовые особенности нерусских народов и не имеют русских синонимов, и варваризмы, иностранные слова, не зафиксированные иностранными словарями» [35, с. 68].

Анализируя иноязычную лексику, важно её классифицировать. Елена Вячеславовна Маринова, доктор филологических наук, пишет, что «существующие в отечественной лексикологии классификации иноязычных слов условно можно разделить на две группы. В первую группу входят универсальные, или общие, классификации; они применимы к любому пласту лексики, как к иноязычному, так и к исконному. Вторую группу составляют специальные классификации, которые используются только для описания иноязычных слов. В качестве опорной предлагаются следующие классификации:

- 1) по генетической принадлежности к языкам-источникам или к языковым семьям: индоевропеизмы (германизмы, англицизмы, славянизмы, русизмы и т.п.), монголизмы, арабизмы, тюркизмы и др.;
- 2) по широте распространения (употребления) в языках мира:

интернационализмы, регионализмы, локализмы, окказионализмы;

3) по степени освоенности в заимствующем языке: полностью освоенные, частично освоенные, неосвоенные;

4) по структуре заимствованного слова: чужая (иноязычная) форма, смешанная (иноязычные и исконные элементы) форма (полукальки), родная (исконная) форма (кальки);

5) по способам передачи графического облика заимствованного слова: собственная графическая форма (иноязычные слова), чужая (иноязычная) графическая форма (иноязычные вкрапления);

6) по лексико-грамматическим классам: заимствованные имена существительные, имена прилагательные, глаголы, междометия и некоторые другие.

7) по наличию в семантике заимствованного слова национально-культурного или культурно-исторического компонента: экзотизмы, варваризмы, этнографизмы, ориентализмы;

8) по тематическим группам: апеллятивная заимствованная лексика представлена традиционными группами, связанными, прежде всего, с обозначением специфических для другого языка реалий и понятий (общественно-исторических, природных, культурно-бытовых и др.), неапеллятивная заимствованная лексика представлена также традиционными для ономастики группами (антропонимы, топонимы, гидронимы, этнонимы и др.);

9) по соотношению между заимствованными словами и культурными концептами, или по степени концептуализации заимствований в языке-реципиенте: заимствование – концепт, заимствование – не концепт;

10) по стилистической окраске заимствованных слов: экспрессивные (номинативные), неэкспрессивные (эстетические);

11) по степени лексикографической освоенности в заимствующем языке: полностью лексикографически освоенные, частично

лексикографически освоенные, лексикографически не освоенные;

12) по времени вхождения в заимствующий язык: ранние (исторические, этимологические, старые), поздние (современные, новые).

В данном случае необходимо отметить, что для исследования заимствований из тюркских языков в русском языке больше всего подходит классификация по тематическому (лингвокультурологическому) признаку. Она представлена базовыми концептами и обладает возможностью дать наиболее полную картину мира, демонстрирующую сложные и разнообразные контакты народов, их культур и языков.

В художественной прозе иноязычные вкрапления выполняют различные функции, при этом зачастую употребление слов подобного рода оправдано и необходимо сюжетом произведения.

«Иноязычные вкрапления используются в тексте с целью актуализации индивидуальных особенностей персонажей, создания их языковых портретов.

Также вкрапления выступают средством оценивания героя, то есть это стилистический прием, когда автор может продемонстрировать свою симпатию или неприязнь к герою. Полное или частичное иноязычное вкрапление может служить средством выражения самого автора.

Иноязычные вкрапления служат для описания межъязыковых контактов героев произведений.

Отдельные вкрапления выполняют номинативную функцию предметов, объединений и явлений, появившихся в другой стране, используемых автором для создания определенного фрагмента действительности.

В ряде примеров иноязычные вкрапления представляют собой жаргонную лексику, экспрессивное употребление которой обусловлено авторитетностью языка-источника, наличия особого оттенка новизны, загадочности и экзотичности. В таких случаях можно отметить явную авторскую иронию.

Современный русский литературный язык, функционирующий (или использующийся) с соблюдением всех его литературных норм с современными региональными (казахскими, узбекскими и т.д.) вкраплениями является вариацией, т.е. видоизменением. Языковые единицы отражают особенности функционирования в конкретном инофонном речевом регионе. Эти иноязычные вкрапления подчиняются правилам и закономерностям современного русского литературного языка.

Произведения современных авторов насыщены иноязычными словами и выражениями, которые стали уже для читателя привычными и не воспринимаются как «иноязычные вкрапления». Этому способствовал подъем общего уровня грамотности среди населения, расширение круга его фоновых знаний.

Неисконное происхождение некоторых слов можно определить по их семантическим и структурным признакам.

Семантическим признаком неисконного слова является тип значения, а именно экзотическое значение слова. Так, например, слова бунгало, вендетта, вигвам, гейша, коррида, медресе и т.п. имеют экзотические значения (эти и подобные им слова называются экзотизмами).

Структурными признаками иноязычных слов являются такие свойства, которые не связаны с его лексической семантикой. Это могут быть признаки фонетические и морфологические. Фонетические признаки иноязычного слова проявляются в особенностях его звукового состава, нехарактерных для слов исконного происхождения.

В переводах произведений национальных писателей содержалось значительное количество иноязычной лексики, которая демонстрировала сохранение национального колорита и представление о совершенно ином образе жизни, отношении к миру.

1.2 Тюркские заимствования в русском языке

Взаимосвязь тюрков и славян охватывала практически все аспекты социальной жизни общества, что отразилось в языке и культуре современных восточнославянских и тюркских народов. Тюркоязычные государства (Азербайджан (на Кавказе), Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан) – многообразное этническое и языковое пространство. И в территориальном, и в этнокультурном отношении он является доминирующим, так как вбирает в себя около 40 тюркских народов и народностей. Ниже приведена классификация современных тюркских языков венгерского лингвиста РонаТаша, разделяющая их на 7 групп [48, с. 31]:

Таблица 1 – Классификация современных тюркских языков венгерского лингвиста РонаТаша

Чувашский язык	Изолированный
<i>1</i>	<i>2</i>
Кыпчакская (северо-западная) группа	татарский, башкирский, киргизский, казахский, каракалпакский, ногайский, кумыкский, карачаевский, балкарский, крымскотатарский, караимский
Огузская (юго-западная) группа	туркменский, хорасанский, азербайджанский, гагаузский, турецкий
Халаджский (южная группа)	изолированный
Туркменская (восточная) группа	узбекский, новоуйгурский, саларский, хотонский
Сибирская (северная) группа	сибирскотатарский, алтайский и его северные диалекты (туба, шалканду, куманды), шорский, чулымский, хакасский, тувинский, тофаларский
Якутский язык	долганский

Заимствования из тюркского источника образуют значительный пласт лексики русского языка. Так, например, тюркские племена оставили заметные следы в лексике восточнославянских языков – русского, украинского и белорусского, а также оказали некоторое влияние на их фразеологию и грамматику. Взаимодействие славянских и тюркских народов находит отражение в памятниках письменности, а также в структуре современных литературных и живых разговорных языков [8].

Опираясь на работу Бурибаевой, выделяем следующие периоды русско-тюркских языковых контактов:

Первый период – период до образования Киевской Руси в 8 веке, характеризующийся взаимодействием славянских диалектов с диалектами иранских и тюркских племен. В данный период в состав древнерусского языка проникали устные заимствования, на пр. товар, каган, ковер и др.

Второй период является периодом образования Киевской Руси, с 9 по 12 в. К этому периоду, когда связи и взаимодействие древнерусского с языками тюркских племен становились более тесными, относятся тюркизмы басурман, богатырь, камыш и др.

Период после монгольского нашествия – третий период, с XIII по XV в, в который, из-за власти Золотой Орды, древнерусский язык подвергался влиянию тюркских диалектов. Некоторые из тюркизмов, проникших в древнерусский в этот период: атаман, деньги, караул, хаджи, хан.

Четвертый период языкового контакта русского с тюркскими языками совпадает с периодом присоединения к тогдашней Российской империи Казанского, Астраханского, Сибирского и Крымского ханства, а вместе с ними и народов Кавказа и Средней Азии, с 16 по 19 в. Тюркизмы башибузук, бахрома, изюм, рундук, кинжал и многие другие относятся к этому периоду. В данном периоде, точнее с конца 17 века по 18в. активное употребление тюркских заимствований постепенно упадает и заменяется заимствованиями из западноевропейских языков, так как контакты с Западом становятся более тесными.

Пятый период – период укрепления языковых контактов между народами бывшего СССР, с начала 20 века до сих пор [8].

Фольклор показывает самобытность и неповторимое своеобразие народной культуры в ее конкретных явлениях и учит понимать художественный язык, с помощью которого выражался смысл народных высказываний. Через устное народное творчество происходит освоение разных типов культуры как составной части мирового

культурно-исторического процесса.

Произведения русского устного народного творчества содержат немало тюркизмов. «Особую ценность представляют слова и значения, утраченные современным русским языком, но сохранившиеся в былинах и народных исторических песнях» [43, с. 875]. С этой точки зрения интересны тюркизмы орда, ярлык, вошедшие в состав русского языка еще в период золотоордынского ига.

В «Большом толковом словаре русского языка» слово *орда* имеет следующие значения: 1. Ист. название крупных тюркских и монгольских феодальных государств и союзов кочевых племен в эпоху средневековья; местопребывание их правителей. Золотая орда, Крымская орда, Ногайская орда. 2. Пренебр. Вражеское войско, полчище. Фашистские орды, Разгром вражеских орд. 3. Разг. Многолюдная, беспорядочная и шумная толпа, сборище кого-л. Пестрая орда, Шумная орда [43].

Со значением орда «войско, полчище» связывают появление значения орда «скопище народа, толпа, орава; банда» [43].

В былинах, возникших во времена татаро-монгольского ига, а также в древнейших былинах, переосмысленных после нашествия, тюркизм орда встречается часто и имеет значение «земля, страна вообще, татарская земля»: «Ты откудошный дородный добрый молодец, ты с какой земли да из какой орды» (Первая поездка Ильи Муромца. Илья и Соловей-разбойник); «И не матушка ли орда подымалася, Мать сыра земля от войска потрясалася...» (Мамаево побоище); «Как про тебя слава широко-то шла По всим землям-то, еще по всим ордам...» (Святогор примеряет гроб). Находим в былинах и словосочетание Золотая орда: «А и едем мы из дальней Орды, Золотой земли, от грозна короля Етмануйла Етмануйловича...» (Про Ставра-боярина).

Тюркизм ярлык в современном русском языке употребляется в двух значениях:

- 1) прикрепляемый к вещи, товару и иному листок, пластинка с

указанием названия, количества, места изготовления, номера или других сведений. Аптечный ярлык;

2) неодобр. Шаблонная, формальная (обычно отрицательная) краткая характеристика, оценка кого, чего-л. Наклеивать всем ярлыки.

Слово ярлык было усвоено древнерусским языком первоначально как название ханской жалованной грамоты, после 1240 г., что обусловлено установлением подобной формы государственных взаимоотношений между золотоордынскими ханами и русскими князьями.

Употребление лексики тюркского происхождения в былинах служит доказательством ее освоенности русским языком. «О степени освоенности тюркизмов свидетельствуют высокая частотность использования слова, его словообразовательная активность, сочетаемость с прилагательными» [43, с. 875].

В контексте фольклорного произведения тюркизмы выступают уже как «лексические единицы, которые приобрели специфический лексический фон, сформировавшийся под влиянием ассоциаций, коннотаций, оценок, возникших в русскоязычной культурной среде» [24, с. 321].

Древнерусские памятники письменности, главным образом «летописи и в меньшей степени художественные произведения сохранили антропонимы, этнонимы и топонимы древних тюрков Восточной Европы» [28, с. 147].

Первым и до сих пор самым полным словарем считается «Словарь тюркизмов в русском языке», составленный Е.Н. Шиповой в 1976 г. Ценность его состоит прежде всего в том, что автор поставил перед собой задачу не только включить все зарегистрированные в словарных источниках и в работах отдельных авторов тюркизмы, но и, по мере возможности, раскрыть их этимологию.

В 2005 г. вышла книга Р.А. Юналеевой «Тюркизмы в русской классике: словарь с текстовыми иллюстрациями», где впервые в

отечественной лексикографии представлен полный свод тюркизмов, их производных и фразеологизмов. Словарь документально отражает особенности функционирования тюркизмов в русской речевой системе на материале творчества русских писателей XIX в. Это новый тип словаря, не имеющий аналогов в современной лексикографии.

Известно, что «тюркизмы, попадая в русский язык, подвергаются фонетическому, морфологическому, лексико-семантическому освоению».

Тюркизм – это «слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из какого-нибудь тюркского языка или созданные по образцу тюркского слова или выражения» [39].

В целях более точного, соответствующего истинному происхождению слов все тюркизмы подразделяют на исконные и исторические:

1) исконные тюркизмы – употребляющиеся в русском языке тюркские слова, которые принадлежат к собственному, относительно первоначальному словарному составу тюркских языков (*алмаз, таракан, чугун, башмак, сундук*);

2) исторические тюркизмы – проникшие в русский язык из тюркских языков слова первоначально нетюркского происхождения, усвоенные тюркскими языками из какого-либо другого языка (иранских, арабского, монгольских и др.) (*шаль, буза, арбуз, базар, сарай*) [41].

В данном случае необходимо отметить, что для исследования заимствований из тюркских языков в русском языке больше всего подходит классификация по тематическим (лингвокультурологическим) группам. Она представлена базовыми концептами и обладает возможностью дать наиболее полную картину мира, демонстрирующую сложные и разнообразные контакты народов, их культур и языков.

Так, тюркские заимствования представлены общественно-историческими концептами:

– обозначение социальной принадлежности, должностей, чинов

(*бай, хан, сердар, раис, манап, эмир, казна, аймак, вилайет, визирь*);

– вида деятельности и рода занятий (*дежканин, чабан, мираб, бакиш, бахча*);

– населенных пунктов, жилищ, различных построек (*аул, кишлак, караван-сарай, кибитка, юрта, чайхана, дувал, шипанг*);

– представители животного мира (*каракурт, тавык, песи*).

А также культурно-бытовыми концептами тюркских народов, относящимися к сфере дома и быта и дающими представление о традиционной жизни народов:

– обозначение предметов быта, одежды (*кошма, палас, мангал, беешмет, чапан, халат, зипун, кафтан*);

– домашней утвари, посуды (*дастархан, казан, кумган, пиала, хурджин, арба, аркан*);

– музыкальных инструментов (*домбра, дутар, комуз*);

– блюд и напитков (*плов, чурек, кумыс, айран, кофе, кок-чай, шербет, кебаб, лагман, шурпа, пахлава, халва, рахат-лукум*) и др.

Часть тюркизмов – слова, связанные с религией: *ислам, дервиш, бедуин, гяур* и т.п. [38].

Определенная часть тюркизмов проходит путь стилистического освоения, этому способствует развитие переносных значений: *балда* – 1. тяжелый молот для раздробления камней и горных пород (техн.); 2. шишка, утолщение на конце палки, дубинки (обл.); 3. глупый человек, болван (разг. бран.); *бирюк* – 1. волк-одиночка; 2. перен. угрюмый, нелюдимый человек; *каланча* – 1. сторожевая вышка пожарной части для наблюдения за возникающими пожарами; 2. перен. о человеке очень высокого роста (разг. шутол.) [38].

Тюркизмы собственные – в художественных текстах представлены широко. Характерным является частотное употребление имен восточных поэтов-классиков, исторических, легендарных и мифических личностей и образов (Лейла, Лукман, Махтумкули, Меджнун, Навои, Тамерлан, Тулпар,

Фархад).

Тюркизмы собственные делятся также на традиционные группы:

- антропонимы (Ахмед, Карамолдо, Мамбет, Тимур);
- топонимы (Алатау, Алма-Ата, Дарбаза, Каракумы, Ташкент);
- гидронимы (Джейхун, Иссык, Сыр-Дарья);
- этнонимы (гоклен, казах, ногой) и др.

Существует несколько фонетических примет, по которым можно опознать тюркизмы в русском языке. Одна из них – сингармонизм гласных, то есть повтор одного и того же гласного звука в слове. Такими примерами тюркизмов в русском языке могут служить слова *алмаз, таракан, чугу́н, башмак, сундук* и т. д. Другим признаком тюркских заимствований является наличие -ча и -лык на конце слова: *каланча, саранча, парча, ярлык, башлык, шашлык*. Часто конечное -ча встречается в географических названиях.

При классификации тюркизмов русского языка мы делим их на две большие группы: заимствования, освоенные русским языком, и заимствования, не освоенные русским литературным языком, первые из которых представляют собой факты системы языка, вторые – факты речи.

I. Заимствования, освоенные русским литературным языком:

- 1) этимологические заимствования;
- 2) собственно заимствования.

II. Заимствования, неосвоенные русским литературным языком:

- 3) региональные заимствования, или регионализмы;
- 4) локальные заимствования, или локализмы, в том числе окказиональные заимствования.

На базе классификации заимствований по степени освоенности или неосвоенности русским литературным языком предлагаем классификацию заимствований по соотношению между заимствованными словами и культурными концептами, или по степени концептуализации заимствований в языке-реципиенте.

I. Заимствования, освоенные русским литературным языком:

1. Этимологические заимствования – лексические единицы русского литературного языка, давно и полностью освоенные литературным языком, являются заимствованиями лишь по происхождению, обозначают универсальные общераспространенные реалии и полностью утратили связь с чужой, иноземной действительностью. Эти слова, естественно, входят в основной словарный состав русского языка, его активный запас, имеют широкое распространение на всей территории функционирования русского языка и зафиксированы русскими толковыми и другими словарями: алмаз, деньги, карандаш, колбаса, лошадь, сарай, собака, стакан, товар (из тюрк. яз.) и др.

Этимологические заимствования не выражают специфических явлений и понятий «чужой» культуры, не связаны в сознании с инородной реальией, в них нет экзотического колорита, они утратили оттенок «чужого», не имеют ассоциаций с культурой другого народа.

2. Собственно заимствования, или общеупотребительные заимствования – лексические единицы русского литературного языка, заимствованные русским языком из других языков для выражения специфических инонациональных реалий, отражающих другую национальную действительность и являющихся характерной для нее. Они так же, как и этимологические заимствования, в основном освоены литературным языком, общеупотребительны и общепонятны, входят в словарный состав русского языка, почти все они включены в толковые или иные словари языка-приемника, однако они находятся на периферии литературной лексики, в ее пассивном запасе в силу «обуженности» своей семантики.

Собственно заимствованные слова выражают инонациональные этнокультурные или конфессиональные явления и понятия и вследствие этого употребляются в языке-приемнике, как правило, в текстах, посвященных национальной тематике (айва, аллах, аул, бай, казан, мечеть,

мулла, отара, паранджа, плов, чабан, юрта и др.). В этих текстах они выступают в качестве маркеров своей культуры, помечают этот текст и выполняют номинативную и/или стилистическую (эстетическую) функцию.

Эти заимствованные слова выражают специфические явления и понятия «чужой» культуры, связаны в сознании с «чужой», инородной реальией, культурой другого народа или группы народов, живущих в определенном регионе, они имеют экзотический колорит, не утратили оттенок «чужого», имеют ассоциации с определенной культурно-исторической средой.

II. Заимствования, неосвоенные русским литературным языком (этот класс иноязычных слов не все исследователи относят к разряду заимствований, поскольку они находятся за пределами русского литературного языка):

3. Региональные заимствования, или регионализмы, – речевые единицы, не принадлежащие лексической системе русского литературного языка, перешедшие из других языков и функционирующие в русском языке лишь как факты речи (устной и письменной), слабоосвоенные, территориально ограниченные по употреблению определенным достаточно широким регионом и выражающие национально-специфические понятия и реалии, общие для народов данного региона.

Региональные заимствования выражают инонациональные этнокультурные явления и понятия и вследствие этого употребляются в языке-приемнике, как правило, в текстах, посвященных инонациональной тематике, но во многих случаях, если контекст не семантизирует заимствование, непонятно и неизвестно, с какой реальией они связаны; в этих случаях значения их остаются неясными (борук, килим, ураса, чомуч, ширдак, яшмак и др.). В текстах, посвященных местной, национальной тематике, они выступают в качестве маркеров своей культуры, помечают этот текст и выполняют номинативную или стилистическую

(эстетическую) функцию.

Региональная заимствованная лексика, как правило, отсутствует в словарях русского литературного языка; она может быть помещена в специальные словари иноязычных слов, однако далеко не в полном объеме [47]: зиндан, каса, хирман, хурджин и др.

4. Локальные заимствования, или локализмы (в том числе окказиональные заимствования, или окказионализмы), – речевые единицы, не принадлежащие лексической системе русского литературного языка, перешедшие из других языков и функционирующие в русской устной и/или письменной речи, слабоусвоенные или почти не усвоенные в русском речевом употреблении, в основном непроемные и ненормативные, малоупотребительные, территориально ограниченные зоной одной республики, области или района и выражающие национально-специфические понятия и реалии, присущие жителям данной республики, области или района: адай, жуз, кокпар, кыз куу, шабул, боорсок, корундук, кошеге – казахские.

Локальные заимствования выражают инонациональные этнокультурные явления и понятия и вследствие этого употребляются в языке-приемнике, как правило, в устной разговорной речи, а также в текстах, посвященных местной, национальной тематике, но во многих случаях значения этих слов без специального пояснения остаются неясными (аскиябаз, кыз-куу, пышты и др.). Локальная заимствованная лексика практически отсутствует как в словарях русского литературного языка, так и в специальных словарях иноязычных слов.

Большое значение для характеристики заимствований имеет «функционально-стилистический комментарий, поскольку по представленности в тех или иных стилях современного русского языка можно судить о степени освоения и особенностях употребления иноязычных слов».

Тюркизмы вошли в состав многих фразеологизмов русского языка: *не*

фунт изюму, метать бисер перед свиньями, как аршин проглотил, базарная баба, брать на карандаш, давать волю кулакам, каланча пожарная, смотреть бирюком, аллах его знает.

Тюркизмы часто употребляются в пословицах и поговорках: «Один балахон, да и тот из бани унесен» (*балахон*); «Кому кистень, кому четки» – (*кистень*); «Нашему болвану ни в чем нет талану» (*болван*); «Есть в анбаре, будет и в кармане» (*анбар*); «Не корми калачом, да не бей в спину кирпичом» (*кирпич*); «Башка чиста, так и мошна пуста» (*башка*); «Аршин на кафтан да две на заплаты» (*аршин*); «Караул кричать», «Под башмаком у жены» (*караул, башмак*); «В дороге и отец сыну товарищ» (*товарищ*); «Прости, колпак, а шапка и так» – (*колпак*); «Кто о барышах, а кто о магарычах» (*барыш*); «У грошового товара не наживешь рубля» (*товар*), «Дуга золоченая, сбруя ременная, а лошадь некормленная» (*лошадь*); «Сыт конь – богатырь, голодный (*голодный*); «Ал цвет мил на весь свет» (*алый*); «Не гостям хозяина, а хозяину гостей благодарить» (*хозяин*) – что также свидетельствует об освоенности заимствованного слова в русском языке [43, с. 875].

Концептуальные иноязычные заимствования, попадая в русский текст, выстраивают культурно-концептуальный ряд, который формирует фрагмент тюркской языковой картины мира. Затем в русскую языковую картину мира встраивается фрагмент тюркской языковой картины мира, и таким образом образно создается представление о жизни другого народа. «Учет взаимодействия языка и культуры позволил исследователям выделить так называемые «ключевые концепты» национальных культур, за которыми стоят важнейшие понятия национального сознания» [43, с.356].

Для описания пейзажа, портрета, интерьера в художественном или публицистическом тексте бывает достаточно одного-двух заимствованных слов-концептов, и перед читателем открывается картина той или иной национальной жизни: «На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось

завтракать. Котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное в верху кибитки» (А. Пушкин. Путешествие в Арзрум), «В большом ауле, под горою, / Близ саклей дымных и простых, / Черкесы позднею порою / Сидят» (М. Лермонтов. Кавказский пленник), «Чад жареной баранины подымался к небу из походной кухни и смешивался с запахом лаваша и лилового вина Изабелла» (К. Паустовский. Колхида).

Деятельностный характер речевого поведения русского писателя Л.Н. Толстого реализуется в достоверном описании горской жизни в повести «Хаджи – Мурат». На первом плане – изображение внешнего быта горцев, обычаев, а также описание жилища, одежды, пищи, обрядов. Знание татарского языка – результат систематических занятий и проявления писательского интереса к нему. Результатом деятельностного подхода русского писателя на Кавказе является включение в тексты большого количества слов тюркского происхождения (*абаз, Алла, алкоран, аманат, арба, аул, архалук, байрам, бар, бешимет, булат, ислам, йок, коп, мечеть, папаха, парча, рамазан, сакля, саман, чурек, шамхал, яман, якиши и др.*) [8].

На данных примерах можно наблюдать один из возможных механизмов концептуализации тюркских заимствований в русском тексте. Появившееся в русском тексте тюркское заимствование, которое обозначает характерные понятия жизни тюркских народов, начинает восприниматься как концепт тюркской культуры, и в русском тексте возникает иной мир – мир тюркской культуры. При этом русский текст совсем не обязательно должен быть насыщен тюркскими заимствованиями. Бывает достаточно одного-двух концептуальных заимствований, чтобы в воображении читателя возникла тюркская языковая картина.

Выводы по первой главе

Заимствования напрямую касаются повседневной жизни общества.

Ученые-лингвисты давали свою характеристику термину, а некоторые авторы предлагали и свою классификацию иноязычных вкраплений. В художественной прозе иноязычные вкрапления выполняют различные функции, при этом зачастую употребление слов подобного рода оправдано и необходимо сюжетом произведения. Также вкрапления выступают средством оценивания героя, то есть это стилистический прием, когда автор может продемонстрировать свою симпатию или неприязнь к герою. Полное или частичное иноязычное вкрапление может служить средством выражения самого автора. Взаимосвязь тюрков и славян охватывала практически все аспекты социальной жизни общества, что отразилось в языке и культуре современных восточнославянских и тюркских народов.

Таким образом, процесс освоения национальным языком иноязычной лексики связан с процессом развития самого национального языка. Именно поэтому для исследования заимствований из тюркских языков в русском языке больше всего подходит классификация по тематическим группам.

ГЛАВА 2. ТЮРКИЗМЫ В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ДЖАН» И «ТАКЫР» А. ПЛАТОНОВА

2.1 История создания произведений «Джан» и «Такыр»

Исследование зарубежного опыта творчества А.Платонова формировалось очень рано. В наши дни в России известны работы таких исследователей, как Михаил Геллер, Елена Толстая, Томас Лангерак, Ханс Гюнтер, Элизабет Маркштейн, Мая Шимонюк, Ольга Меерсон, Пекка Песонен. В первое время одним из основных подходов в своих работах зарубежные ученые использовали литературоведческий (прочтение текста литературного произведения, базирующееся на научной методологии, с использованием соответствующих методов и приемов). Тогда для исследований характерными являлись публицистические формы, а также форма эссе, но в дальнейшем они стали сочетаться с филологическим изучением языка А. Платонова.

Единство в мире Платонова конкретно-исторических и «бытийных» мотивов, сращение в его персонажах социально-психологического с символично-философским демонстрирует повесть «Джан». Она была живым откликом советского писателя на бурную действительность. В 30-е годы в Средней Азии развернулись социалистические преобразования. А. Платонов в составе бригады писателей Оргкомитета СП СССР побывал в Туркмении весной 1934 г., и его впечатления от этой поездки отразились в рассказе «Такыр» и повести «Джан».

В конце марта 1934 года из Москвы в Туркменистан была отправлена группа из двадцати советских писателей для написания сборника коллективного творчества, посвященного десятилетию образования Туркменской Советской Социалистической Республики. Среди них был и Андрей Платонов.

В то время Андрей Платонов имел статус опального писателя, так как

в 1931 году в журнале «Красная новь» была опубликована повесть «Впрок», которая вызвала резкую критику лично со стороны Иосифа Виссарионовича Сталина. С тех пор Андрея Платонова, за редким исключением, практически не публиковали до самой его командировки 1934 года.

Писателя влекла далекая азиатская страна, в которой все было совершенно иначе. Туркменистан его поразили многими своими сторонами. Как профессионального мелиоратора поразили песками и обезвоженностью земли, которую никогда не будет возможно оросить и сделать пригодной для использования человеком. Как писателя и философа – пустынной свободой и безнадежностью человека в пустыни: «Я приехал сюда ради серьезного дела, ради пустыни и Азии. Я смотрю жадно на все, незнакомое мне. Всю ночь светила луна над пустыней, – какое здесь одиночество...» [2], и особенно – бытием людей, которые живут совершенно по-другому. Темы, которые стали для Платонова ключевыми: любовь, семья, брак, пол» [10], – здесь раскрывались иначе.

Двухмесячная поездка произвела на писателя большое впечатление, и после нее первой (в 1934 г.) был написан рассказ «Такыр», затем в 1935 году повесть «Джан»

Произведение было опубликовано, а самого Андрея Платонова отправили в еще одну командировку по приглашению правительства Туркменистана. С конца января по начало марта 1935 года писатель находился там и работал над повестью «Джан», которая была закончена весной того же года и сдана в журнал «Красная новь» и альманах «Две пятилетки». Однако повести отказали в публикации уже летом, и она при жизни автора так и не была нигде напечатана.

Работа над повестью была начата Андреем Платоновым в январе, а в апреле рукопись была сдана в издательство. Однако рукопись продержали до конца лета, а затем отказали Андрею Платонову в печати, хотя Платонов охотно шёл навстречу редакторам и с готовностью вносил в текст повести

изменения: изменил и дополнил финал повести, внес еще ряд исправлений.

Платонов не получил возможности опубликовать произведение. Повесть не совсем отвечала принципам «партийной организации литературы», т.е. в ней не чувствовалось определяющее влияние метода социалистического реализма.

В 1935 году М. Горький обратился в редакции центральных московских газет («Правда» и «Известия») с письмом, в котором предостерёг, что в литературе проявилась попытка «навязать коллективу – чуждую и враждебную ... этику и эстетику». Этого было достаточно, чтобы в литературных кругах началась настоящая травля писателя, который ничего в действительности так не хотел, как только быть полезным советской власти, приносить ей пользу силой своего таланта.

Уже в марте 1935 года на пленуме Союза писателей организационный секретарь А. Щербаков выступил с речью, где отметил чуждый и антипролетарский характер произведений Платонова. Впоследствии писателя уверяли, что выступление содержало товарищескую критику и целью его было помочь Платонову «исправиться», однако в 1935 году ни одно его произведение не увидело свет. Только в 1936 году в журнале «Красная новь» были напечатаны лишь отрывки из повести «Джан» под названием «Нужная родина». Полностью же это произведение было опубликовано лишь после смерти писателя.

Виктор Владимирович Виноградов утверждал, что «для стиля писателя особенно характерен индивидуальный синтез форм словесного выражения и плана содержания» [12, с. 10]. В 1937 году А. Гурвич писал в своей разгромной статье о Платонове: «Он бесспорно даровитый, тонкий художник. В одной фразе он умеет выразить всю безысходность потерянному, заблудившегося человека» [27, с. 21].

Нынешний взгляд на искусство Платонова несет в себе трезвое понимание и драматизма его судьбы и бессмертия его искусства. Самое излюбленное определение у этого художника – «сокровенный». Это

определение двунаправленно: обращено и к герою Платонова, и к его искусству в целом. Уловить «сокровенность» в рядовом человеке России стремились одновременно с Платоновым многие художники второй половины 20-х годов. Но особый тип «сокровенного человека» – создание собственно платоновское, его открытие, его постоянное, до исхода творчества пристрастие. В обращенности к искусству Платонова определение «сокровенный» говорит о стремлении художника к обнаружению психологического глубинного существа.

Важность глубокого единства между человеком и окружающим его миром в Произведениях Платонова становится все более очевидной: «на различных этапах писатель находит разные пути к ее освещению, однако исходные принципы всегда остаются неизменными». В искусстве Платонова жизнь предстает в самых разнообразных, как правило, драматичных, поворотах. Но Платонова особо привлекают наиболее психологически емкие ситуации. Самая излюбленная ситуация, которую можно назвать, когда жизнь и смерть предельно сближаются, практически смыкаются и «выжить» становится главной целью человека. У Платонова эта ситуация представлена как реальная, жизненная и одновременно философская. Другая излюбленная психологическая ситуация Платонова – «возвращение». Она всегда насыщена у него глубоким содержанием. Совершается не столько возвращение к исходной точке жизни (дому, родине, детству), сколько к себе, своей сущности, когда снимаются внешне неожиданно (а изнутри мотивированно) эгоистические наслоения прожитых лет, но сохраняется опыт человеческой зрелости.

«Память сердца» и «свет жизни» – эти два взаимосвязанных мотива всегда звучали в произведениях А. Платонова. Непрерывен и неизбежен «свет жизни», питаемый «памятью сердца».

Для Платонова начала 20-х годов характерна концепция искусства как реальной силы, изменяющей жизнь: «Искусство есть такая сила, которая развяжет мир от его законов и превратит его в то, чем он сам хочет

быть, но чем он томится и каким его хочет иметь человек... Цель искусства — найти для мира объективное состояние, где бы сам мир нашел себя и где нашел бы его человек родным. Точнее говоря, искусство есть творчество совершенной организации из хаоса» [20].

Такая точка зрения близка к призывам творить человеческую природу, видеть в искусстве наиболее совершенное средство формирования материи вообще, природного вещества.

После написания «Такыра» А. Платонов неоднократно бывал в Туркмении, последний раз – в 1936 году. Местное население хорошо встретило рассказ, хотя и не вполне его поняло – сказывалось простое отсутствие квалификации, как сообщал автор в одном из писем. Пустыня привлекала А. Платонова не только как материал для искусства – она была для него вопросом жизни туркменского и других народов, которые далеко не совсем овладели собственной родиной: люди жили лишь по «берегам» южной и восточной Туркмении, остальное пространство покрывали взволнованные ветром пески [18, с. 145].

Такыр – эту «самую нищую глинистую землю, где жара солнца хранится не остывая, как печаль в сердце раба» [18, с. 145], эту самую страшную часть пустыни, ее «адово дно» [18, с. 145], самую сухую, мертвую и бесплодную землю – главная героиня, которой советская действительность Туркменистана дала возможность к личностному росту, к получению высшего образования, в конце произведения мечтает превратить в цветущий, плодородный сад.

Стержневая оппозиция всего творчества Платонова – это противостояние «мира» и «сознания», «материи» и «идеи». Платонов начинает с обожествления «материи» и отвержения «духа», предпочтения физики – метафизике. Идею противопоставления он сохраняет и тогда, когда мечтает о перестройке «Вселенной» сознанием.

Для творчества Платонова характерно представление о непрерывности природных процессов, об отсутствии грани между

органической и неорганической природой.

В статье «О некоторых формах авторского повествования в рассказах А. Платонова», которая вошла в научный сборник, выпущенный в 1970 году воронежским университетом, Л.И. Зюбина говорит о двуплановости, как об отличительной особенности прозаических текстов Платонова, при которой бытовое реально существующее всегда служит для установления общего [20, с. 37]. «субъектная форма повествования не является главной для автора, и тесты разделяются не по названным субъектам, по каким-то другим признакам. Действительно, анализ показывает, что в рассказах А. Платонова доминирует не субъектная, а стилевая разделенность текста. Именно через стилевую дифференциацию адекватно передана сложная авторская позиция.» [20, с. 39-40].

2.2 Тюркизмы в тексте «Джан»

Знакомство с землей Туркменистана естественным образом шло и через освоение народного языка, который был интересен Платонову. Так, в письме жене писатель сообщает: «... выучился нескольким словам по-туркменски. Ты моя хелей мухаббат! – любимая жена. Ты – моя курбаша! – жаба. А Тотик – мой хелей балала, жигит, т.е. любимый ребенок, юноша. Моя шан, дирэк (душа и сердце) тоскую по вас» [29, с. 349].

Движение к социализму отсталых среднеазиатских народов, ставшее реальностью в 30-е годы, у Платонова воплотилось в поисках счастья неким народом «джанЦ, поскольку именно этот народ – «изо всех народов Советского Союза наиболее нуждающийся в жизни и в счастье». Уже этим выбором содержанию повести были приданы приметы «экспериментальности»: испытание идеи в специально выбранных «крайних» условиях. Эти «крайние» условия во многом определили и главную формальную особенность «Джан» – ее двужанровую природу.

В повести имеются различные тематические группы тюркизмов. Каждая тематическая группа охватывает определенную черту жизни тюркского народа: антропонимы, названия ландшафта, власть, предметы быта, особенности образа жизни, питание, постройки и их части, религиозные явления, государственные и географические наименования, социальный статус и должность, этническая принадлежность.

1. *Государственные и географические наименования* содержит 20 лексических единиц: *Сары-Камыш, Усть-Урт, Дарваза, Хива, Амударья, Куня-Ургенче, Ташауз, Чимгай, Хорезма, Чарджуй, Ходжейли, Нукус, Кунядарья, Хораса, Копет-Дага, Паратамиз, Атрек, Дарьялык, Арал, Астрабад, Мангырчардари, Уч – Аджи*. Самым частым словом является Сары-Камыш. Данное поселение было постоянным местом проживания народа джан: *«Раньше этот народ почти постоянно жил во впадине Сары-Камыша..»*

2. *Социальный статус и должность*. Одно из частотных слов – *хан* («повелитель Орды»): *«Сам Нур-Мухаммед тоже мог пасть от слабости, но он еще держался старыми запасами своего тела, потому что много ел риса, мяса и фруктов, когда жил по оазисам и ходил тайно в Афганистан, к давно бежавшему хану Джунаиду.»*, также встречается *ханом* («девушка, барышня»): *«Чагатаев подошел к ней и спросил, откуда она и как ее зовут. – Ханом, – ответила туркменка, что по-русски означало: девушка или барышня.»*

3. *Род занятий: бахши (народный певец)*: *«Вечернюю песню бахши мы имели давно, когда работали на байских хошарах..»*

4. *Населенный пункт, жилище, различные постройки: ярмалык (ярмарка), курганчи (крепость, высокая земляная насыпь), такыр (ровное глинистое пространство в пустынях и полупустынях), дувал (глинобитный или булыжный забор или кирпичная стена дома), шалаш*.

5. *Представители животного мира: ишак (осёл)*.

6. *Обозначение предметов быта, одежды: кошма (войлок из овечьей*

шерсти), чигирь (водоподъемный снаряд для полива садов, виноградников, бахчей, баштанов), арык (оросительный канал, канава), тюбетейка (головной убор).

7. Музыкальные инструменты: *дутар (двухструнная гитара).*

8. Блюда и напитки: *урюк (мелкие сушёные абрикосы с косточками), чурек (большая пресная лепешка), плов.*

9. Имена собственные: *Назар-Шакир Чагатаев, Нур-Мухаммед, Суфьян, Молла Черкезов, Айдым, Гюн, Ораз Бабаев, Гюльчатай, Кочмат, Якубджанов, Ораз Голоманов, Кара-Чорма, Таган.*

Анализируя усвоение тюркизмов русским языком, необходимо отметить следующие фонетические особенности:

1. Если под ударением *а*, то в слоге перед ударным *а* или *у*: *башмак, сарай, халат.*

2. Если под ударением *у*, то в слоге перед ударным *а* или *у*: *сундук.*

3. Если под ударением *е* или *и*, то в слоге перед ударным *и*: *кибитка.*

4. Если под ударением *ы*, то в слоге перед ударением *а*: *башлык, такыр, камыш.*

5. С *о* безударным в первом слоге пишутся: *очаг.*

Яркой особенностью тюркских слов является сингармонизм. В. А. Богородицкий пишет о тюркском сингармонизме: «Читатель может составить себе некоторое понятие о сущности явления: *аркан, клобук, бузук, кумыс, бешимет, тютюн, бирюк.* Из этих примеров мы видим, что за корневым *а* в слове могут следовать гласные *а* или *ы*; после *о* встречаем *у*, а после корневого *у* – как *у*, так и *ы*; за корневым *е* следует такой же гласный, а за гласным *у* (*ю*) – *у*» [4, с. 210]. К данным примерам можно отнести такие слова: *чигирь.*

По морфологической принадлежности подавляющая часть (70%) тюркизмов является именами существительными, например:

Курганчи, такыр, сарай, сундук, дувал, бурдюк, ишак, учрюк, чурек, плов, бархан, арык, басмачи, лошадь, шалаш.

Имена прилагательные и глаголы с тюркскими корнями единичны: кочует, башлычный.

Количественное различие между тюркизмами-существительными и другими частями речи объясняется причиной в самом назначении заимствованных слов в русском языке. Тюркские заимствования выполняют преимущественно номинативную функцию, т.е. называют предметы или явления, у которых отсутствуют альтернативные названия в русском языке. Если рассматривать функционирование тюркизмов разных частей речи в сравнении, то можно заключить, что в повести на 62 существительных-тюркизма приходится 5 имен прилагательных и 3 глагола.

В повести «Джан» присутствуют тюркизмы, которые понятны и без специальных пояснений, хотя и несут на себе отпечаток заимствования: *«Затем стали бояться все люди, – они глядели в чистую пустыню, ожидая оттуда конных врагов, они замирали от всякого ветра, метущего песок по вершине бархана, думая, что это мчатся верховые».*

Но не все слова, употребляемые в тексте повести, понятны читателю: *«Курганчи, кибитки, встречные ослы и верблюды, деревья по арыкам, летающие насекомые — все было прежнее и неизменное, но равнодушное к Чагатаеву, точно ослепшее без него», «Айдым одна месила голыми ногами глину, таская воду в бурдюке за два километра».*

В тексте повести «Джан» имена собственные функционируют в качестве системообразующего единства, которое неразрывно связано с сюжетом повествования, а также с личными предпосылками автора.

Семантика и соотнесённость личных имён в повести «Джан», актуализация в структуре сюжета закреплённых за ними иносказательных значений являются важным способом выражения авторской мысли о том, что самые губительные обстоятельства преодолимы, если сохранено объединяющее людей стремление к счастливой жизни, к ценностям, не подвластным расчётам лживых поводырей, казуистическим подменам,

историческому забвению.

В распределении сюжетных ролей, смысловых параллелей, задающих иносказательные проекции, писателем учитывается значение имён персонажей: в имени и фамилии главного героя Назара Чагатаева очевидна соотнесённость указанных влияний. В «говорящем» личном имени Назар – «дальновидный», «видящий», образованном от арабского глагола назара – глядеть, смотреть, видеть, закреплена характерная для героя способность различать истинное и мнимое. Дополненная фамилией Чагатаев (от тюркского чагатай – честный, чистосердечный), семантика именованного главного героя повести обнаруживает следующее значение: «искреннее», «честное» зрение. Имя Нур-Мухаммеда состоит из арабских корней со значением «светлый» (Нур) и «хвалимый, прославляемый» (Мухаммед), что можно перевести как «прославляемый светом» или «прославляющий свет».

Платонов активно использует экзотизмы тюркского происхождения для создания реальной картины жизни героев, тем самым помогая читателям погрузиться.

Начало «Джан» – психологическая повесть, источник динамики которой во влечении – отталкивании Назара Чагатаева и Веры. Хотя их влечение друг к другу велико, Вера, которая старше Назара и опытнее его, недаром не верит в прочность их союза. Героев разделяет нечто очень серьезное, заключенное в особенностях мировосприятия каждого. Вере ее несчастья кажутся закономерными и непреодолимыми: «Она верила в свое обреченное одиночество, хотя Назар женился на ней и разделил ее участь». Чагатаев же недоумевает, «почему счастье кажется всем невероятным и люди стремятся прельщать друг друга лишь грустью». Расхождение в мироощущении Веры и Назара особо четко проявилось при обсуждении судьбы будущего ребенка Веры. Назар: «Он будет рад» (своему рождению). Вера: «Он будет вечный страдалец». Встреча с Верой только укрепила убеждение Назара в своем особом предназначении: «...горе представлялось

ему пошлостью, и он решил устроить на родине счастливый мир, а иначе непонятно, что делать в жизни и зачем». Московские сцены – своего рода «реалистический пролог» к легенде, в жанре которой даны эпизоды страданий и спасения народа джан. Объясняя секретарю смысл названия «джан» («означает душу или милую жизнь»), Чагатаев говорит: *«У народа ничего не было, кроме души и малой жизни, которую ему дали женщины – матери, потому что они его родили»* [6].

Новый драматизм в миссию Чагатаева вносит появление в «*камышовой стране*» [6]. Нур-Мухаммеда, уполномоченного из центра, одновременно обладающего всеми приметам легендарного злодея. Как известно, один из главных художественных приемов Платонова – антитеза. В повести «Джан» противопоставлены два вождя: Назар Чагатаев и Нур-Мухаммед, злой дух, современный Ариман, но не несчастный бедняк, а расчетливый делец и индивидуалист, «вредитель» в популярной советской терминологии тех лет, намеревающийся угнать джан в рабство в Афганистан и затем *«прожить счастливо остальную жизнь в собственном, обильном домашнем добром курганче»* [6]. Чагатаев же искренне служит народу ради самого народа, гибнущего у него на глазах. Он самозабвенно переносит тяготы пути и жертвует собой для спасения джан от голода и смерти. У него своя задача – добиться исчезновения народа джан, дабы посчитали его несуществующим.

Таким образом, в тексте повести А. Платонова «Джан» стиль написания определяется не только общеупотребительной, нейтральной, разговорной лексикой, но и экзотизмами тюркского происхождения, которые используется писателем для раскрытия первого плана повествования [6].

2.3 Тюркизмы в тексте «Такыр»

Для изображения реальной жизни народов Туркменистана автор использует иноязычные вкрапления – тюркизмы. Выделяются различные

тематические группы тюркизмов. Каждая тематическая группа охватывает определенную черту жизни тюркского народа: антропонимы, названия ландшафта, власть, предметы быта, особенности образа жизни, питание, постройки и их части, религиозные явления, государственные и географические наименования, социальный статус и должность, этническая принадлежность.

1. *Государственные и географические наименования* содержит 20 лексических единиц: *долина Фирюзы, Хоросан, Иран, Туран, Гассан-Кули, Ашхабад, Ташкент, Копет-Дага.*

2. *Социальный статус и должность.* Одно из частотных слов – *аксакал* (старик, старшина, староста, выборный): *«Впереди ехал аксакал и умные мужья на ишаках».*

3. *Населенный пункт, жилище, различные постройки:* *курганчи (крепость, высокая земляная насыпь), такыр (ровное глинистое пространство в пустынях и полупустынях), шалаш, чайхана (чайная в Средней Азии, Иране), аул (деревня, селение, поселок; оседлое или кочевое сборище жилищ).*

4. Представители животного мира: *ишак (осёл), лошадь, верблюд.*

5. Обозначение предметов быта, одежды: *кошма (войлок из овечьей шерсти), яшмак (тип вуали или никаба, который носят женщины, чтобы закрывать лицо на публике.), халат, очаг, бурдюк (мешок из цельной шкуры животного – для хранения и перевозки вина, кумыса), ковер.*

6. Названия племен: *курды, аламаны, эрсари, джафарбайы, текэ.* В жизни туркмен огромную роль играли род и племя.

7. Блюда и напитки: *чурек (большая пресная лепешка), плов, инжир*

8. Имена собственные: *Заррин-Тадж, Гель-Эндам, Фатима, Ханом-Ага, Атах-баба, Джумаль, Ода-Кара.*

Встретились следующие фонетические особенности:

1. Если под ударением *а*, то в слог перед ударным *а* или *у*: *аламаны.*

2. Если под ударением *е* или *и*, то в слог перед ударным *и*: *инжир.*

4. Если под ударением *ы*, то в слоге перед ударением *а*: *такыр*.

5. С *о* безударным в первом слоге пишутся: *очаг*.

Ярким отличием является сингармонизм, когда в слове за корневым могут быть гласные только одного ряда: переднего или заднего, например: *инжир*, *кибитка*.

По морфологической принадлежности подавляющая часть тюркизмов (80%) является именами существительными, например:

Курганчи, такыр, чурек, халат, очаг, яшмак, ишак, верблюды аксакал.

В художественном тексте активно используются производные от слов тюркского происхождения. Прежде всего, это отсубстантивные прилагательные: *«Наутро верховые туркмены вывели пленников из гор Копет-Дага; тогда некоторые курдские и персидские женщины...»*, *«Выросшая в нагорной хорасанской роще, она с любопытством глядела в пустой свет туркменистанской равнины...»*

Количественное различие между тюркизмами-существительными и другими частями речи объясняется причиной в самом назначении заимствованных слов в русском языке. Тюркские заимствования выполняют преимущественно номинативную функцию, т.е. называют предметы или явления, у которых отсутствуют альтернативные названия в русском языке.

В произведении «Такыр» обнаружены тюркизмы, которые давно вошли в словарный состав русского языка, как общеупотребительная лексика: *«В этих башнях раньше селились обыкновенно дежурные солдаты персидских базаров...»*.

Есть тюркизмы, которые понятны и без специальных пояснений, хотя и несут на себе отпечаток заимствования: *«В этих башнях раньше селились обыкновенно дежурные солдаты персидских базаров...»*.

Но не все слова, употребляемые в тексте повести, понятны читателю. Например: *«Впереди ехал аксакал и умные мужья на ишаках»*, *«Она доила верблюдиц и коз, считала овец и доставала воду из колодцев на такыре –*

по сто и по двести бурдюков в день.», «И смирно умрет под яшмаком в Туркменистане».

В произведении «Такыр» было достигнуто полное равновесие духа и тела, философской мысли и предметности мира благодаря активнейшей роли «натуры» в произведении. Сформировался образ пустыни как самостоятельного героя, живущего собственной жизнью, поэтому не случайно название – «Такыр». В нем отражено только некое абстрактное место в пустыне, пугающее и таинственно – притягательное для европейского слуха слово как символическое обозначение вечности. Такыр вбирает в себя все: он управляет судьбой героев, устанавливает течение времени и перемещения в пространстве. В конечном счете, от такыра зависит жизнь и смерть людей, попавших в сферу его воздействия.

Такыр – мертвое, высохшее русло реки – самое мрачное место пустыни. Здесь сама пустыня забывает, что когда-то видела жизнь, слышала пение птиц и журчание воды. Такыр – метафора забвения, основного мотива пустыни. Забвение – условие выживания в скудном, суровом мире пустыни. Пустыня в своем гордом равнодушии не делает различия между человеком, животным или растением: все должно погрузиться в беспamięтство и слиться с неторопливым, однообразным ритмом жизни пустыни, стать частью ее потаенного мира, сокровенного бытия – или умереть и превратиться в песок и ветер, в сухой куст перекасти-поле.

Главный образ в произведении – образ Туркменистана, образ родины, родной земли. «... равниной вольных туркменов» [33] называет Платонов эту землю. Здесь уже на первый план выходит женское начало, которое реализуется в образе главной героини – Джумаль.

Пленница-персиянка Заррин-Тадж помещена писателем не просто в пространство песков, в рощи согнутых ветров, под палящие лучи солнца. Особой суровости в этой природе для нее нет: в конце концов, это привычная среда ее жизни – и на родине, и в плену. Но для Платонова

пустыня обрела иной смысл. Пустыня – это плен, бесплодный «такыр» в ее судьбе, это жизнь как бы в предыстории человечества, природной и социальной.

Помещенный в эту среду человеческий характер испытывается на прочность в своем главном качестве: способности не просто выносить что – то невыносимое, страшное, но и как бы очеловечивать любые условия жизни.

На коротком привале, когда усталость свалила и самих туркмен, когда души пленных так переутомились, Заррин-Тадж видит старую чинару. Она кажется героине вечной, неуязвимой, бессмертной, хотя растет на краю пустыни, среди камней. Платонов показывает, что в судьбе пленницы удары жизни вовсе не отскакивали от человеческого сердца, ума, чувства, как бы ни гордилась Заррин – Тадж вначале своей неприступностью. Эти удары героиня выносила всю жизнь, она научилась превращать беды в нечто спасительное, питающее ее же. В пустыне ничто не может быть отброшено, все впечатления поселяются в памяти, в чувстве, в вещем инстинкте героини. Где боль – там и жизнь, где скудное, жалкое – там и радостное. Только одолевая страдание, вынося все, что способно погубить даже надежды, мечты, можно обрести радость и неожиданную свободу, независимость т обстоятельств и веру в свое будущее.

А. Платонов в рассказе «Такыр» не щадит ни Заррин-Тадж, ни её дочь Джумаль, он подводит своих героинь к самому краю бездны, ставит их в, казалось бы, безвыходные положения. Атах-баба пытается продать Джумаль другому хозяину, но на род туркмена неожиданно обрушивается чума, которая уносит жизнь Заррин-Тадж, но оставляет на свободе Джумаль. Басмаческая шайка Атах-бабы, бросив скот и имущество, уходит от чумной башни в далекие пески. Пустыня становится для Джумаль всем миром, единственной средой обитания.

Все в рассказе исполнено возвышенной печали, и гордости за

человеческие души – и смерть Зарин-Тадж, и прощание с ней юной Джумаль, которая способна, чтобы не разлучаться с матерью, тоже искать смерти. Андрей Платонов, чрезвычайно дорожил эти своим сюжетным открытием: два пленника, дарующие друг другу ту нежность и заботу, которая сильнее чумы и плена.

Рассказ о туркменских аламанах воспринимается читателями как экзотика, благодаря использованию иноязычных вкраплений («курды в Иране», «персидские пленники», «курды..., несущие пограничную персидскую службу», «Хивинской караванный путь» и прочее).

От топонимов, тюркского происхождения, в начале повести исходит волшебный свет сказок Шехерезады («долине Фирюзы», «Харасан», «в хорасанской роще», «берегах Амударьи», «в Дарье», «богатая Хива», «в Бухаре») [8, с 145].

Именно с женскими образами в тексте связано употребление иноязычных вкраплений тюркского происхождения, касающихся быта туркменов. Ежедневная женская работа: «воду из колодцев на такыре по двести бурдюков в день», «между барханами», «саксауловому срубку колодца», «доила верблюдиц», приготовление пищи – «кусоч чурека», болезнь – «давали пищу на кошму», смерть – «умрёт под яшмаком» [18, с. 145].

Топонимы тюркского происхождения, именующие колодцы («колодец Боркан», близ колодца Таган») [18, с. 145] выполняют национально-ассоциативную функцию. Ведь именно отказ дать Джумаль, которая была измучена одиночеством и пустыней, утолить жажду стоила жизни ее мужу. Все основные события сюжета связаны с темой воды: мечта героини о саде может сбыться только там, где такыр поделится накопленной в пустотах водой.

«Такыр» – печальное повествование о жизни человека в мире пустыни, где «ограниченные суровой природой люди избирают предельно жесткую и несправедливую, но экономную и единственно возможную

форму бытия», так А. Платонов написал в письме жене, отправленном из поездки в Туркмению, и добавил: «Печаль Туркмении – нелюбовь», – писал об этом Андрей Платонов.

Подводя итог всему написанному в этой части работы, отметим, что со времени создания повести «Такыр» прошло немало лет. Но в данном рассказе мы заглядываем в самую душу народа, разделяем его тревоги и мечты благодаря, в том числе, и мастерству автора в использовании тюркизмов.

Выводы по второй главе

В исследуемых произведениях А. Платонова «Джан» и «Такыр» имеют место различные тематические группы тюркизмов. Каждая из них охватывает определенную черту жизни тюркского народа: антропонимы, названия ландшафта, власть, предметы быта, особенности образа жизни, питание, постройки и их части, религиозные явления, государственные и географические наименования, социальный статус и должность, этническая принадлежность.

Яркой особенностью фонетики тюркских слов является сингармонизм.

По морфологической принадлежности подавляющая часть (70%) тюркизмов является именами существительными. Количественное различие между тюркизмами-существительными и другими частями речи объясняется причиной в самом назначении заимствованных слов в русском языке. Тюркские заимствования выполняют преимущественно номинативную функцию, т.е. называют предметы или явления, у которых отсутствуют альтернативные названия в русском языке.

В тексте повестей имена собственные функционируют в качестве системообразующего единства, которое неразрывно связано с сюжетом повествования, а также с личными предпосылками автора.

ГЛАВА 3. ДИДАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ УЧИТЕЛЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛОВ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В данной части работы представлены упражнения с использованием слов тюркского происхождения для развития различных видов речевой деятельности на уроках русского языка.

В ходе работы над текстами проанализировано содержание действующих школьных учебников: УМК по ред. Т.А. Ладыженской, УМК по ред. В.В. Бабайцевой, УМК по ред. М.М. Разумовской, УМК по ред. А.И. Власенкова и Л.М. Рыбченковой, учебник Н.Г. Гольцовой, И.В. Шамшина, М.А. Мищериной.

Во всех просмотренных школьных учебниках русского языка тема «Исконно русские и заимствованные слова» показана в том или ином объеме.

Теоретические сведения, изложенные в данных учебниках, сообщают понятие заимствованных слов и разделяют их на исконно русские и иноязычные.

Далее представлена система упражнений для учащихся средней школы. Практические материалы исследования (упражнения) могут быть использованы при изучении по программе темы «Исконно русские и заимствованные слова» в школьной практике преподавания русского языка и литературы. Данное упражнение также возможно использовать на интерактивной доске.

Упражнение 1. Перед вами находятся две подборки карточек: в первой стопке карточек – заимствованные слова тюркского происхождения, в другой – лексическое значение этих слов. Ваша задача – установить соответствие, соединив нужные карточки.

1. Заимствованные слова: алмаз, алый, атлас, батыр, башмак, калач, кибитка, очаг, табун, базар, аршин, бакалея, барабан, беркут, деньги, казна, сундук, стакан, туман, фундук, хозяин, чай, чугу́н.

2. Лескическое значение: драгоценный камень; светло-красный или ярко-красный; плотная шелковая ткань с лоском; удалой наездник, храбрец, силач; род низкой обуви, обычно женской или детской; белый хлеб, выпеченный в виде замка с дужкой, с двумя согнутыми рожками и т. п.; крытая повозка с дугообразным верхом; устройство для разведения и поддержания огня, печь; конское стадо; рынок, торг на площади; русская мера длины, равная 0, 711 метра; сушёные плоды, чай, кофе, какао, сахар, сладости и т. п.; ударный музыкальный инструмент в виде широкого цилиндра, с обеих сторон обтянутого кожей; большая хищная птица из рода орлов; определенная денежная единица; государственное имущество, деньги; большой ящик для хранения вещей с крышкой на петлях и с замком; стеклянный сосуд цилиндрической формы без ручки, служащий для питья; водяные пары на поверхности земли; вид лесного ореха; собственник, владелец чего-нибудь; высушенные листья чайного дерева; сплав железа с углеродом [37].

Упражнение 2. Распределите слова по происхождению – тюркского происхождения / исконно русские. Перепишите в таблицу. Для значения неизвестных слов используйте Толковый словарь.

Ворота, борода, хозяин, бугор, горячий, дерево, караул, башмак, свеча, беркут, шалаш, юрта, холодный, сундук, буран, городской, табун, алый, арбуз, аршин, локоть.

Таблица 2 – слова по происхождению

Слова тюркского происхождения	Исконно русские слова

Упражнение 3. Создайте предложения с изученными словами по упражнению 1 и 2.

При фронтальной форме проведения упражнения можно предложить ученикам создать предложения с изученными словами.

Учитель записывает их на доске, предложения редактируются, а затем записываются в тетрадях.

Упражнение 4. Распределите заимствованные слова по разделам таблицы, используя теоретический материал, в котором даны определения слов.

Теоретический материал:

кибитка – телега или сани с крытым верхом, *ковер* – тяжелая ворсистая ткань, обычно для покрытия пола, стен, *шалаш* – временная постройка для жилья из жердей, кольев, покрытых ветками, соломой и т. п., *юрта* – (обычно конусообразное) жилище из жердей, крытое шкурами, войлоком и т. п., *амбар* – строение для хранения зерна, припасов, вещей или товаров, *таз* – широкий и неглубокий сосуд (для умывания, стирки, варки варенья и т. п.), *чугун* – сплав железа с углеродом, *курай* – башкирский народный духовой музыкальный инструмент – род флейты (изготавливается из полых стеблей зонтичных растений, но бывают к. деревянные, металлические), *халат* – широкая одежда восточного покроя, *колтак* – конусообразный или овальный головной убор, *жемчуг*, *алмаз*, *колчан* – снаряжение для метательного оружия, особая сумка-чехол, в которой носились стрелы, *аркан* – веревка, канат, *кобура* – кожаный футляр пистолета, *барсук*, *кабан*, *табун* – конское стадо, *сазан* – рыба семейства карповых, *изюм*, *камыш*, *лапша*, *балык* – просоленная и провяленная на ветру спинная часть крупной красной рыбы, *шашлык*, *халва*, *кавардак* – род окрошки, селянки из мяса, рыбы, муки и т. п., *кумыс* – напиток из квашеного кобыльего молока, *орда*, *хан*, *батрак* – наемный работник, работница, особ. в деревне, для полевых работ [37].

Таблица 3 – Распределение слов заимствованной лексики

Направления	Заимствованная лексика
<i>1</i>	<i>2</i>
Строительство	

Продолжение таблицы 3

Предметы одежды и украшения, музыкальные инструменты	
Предметы вооружения и снаряжения	
Животные, птицы, растения	
Еда, напитки	
Общественное устройство и торговля	

Упражнение 5. Прочитайте отрывок из романа в стихах “Евгений Онегин” Александра Сергеевича Пушкина. Найдите заимствованные слова тюркского происхождения. Что они обозначают? Объясните орфограммы в словах с пропущенными буквами. Какие средства выразительности используются автором для создания этой чудной картины? Что обозначают выделенные слова?

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обн_вляет путь;
Его лошадка, сне_почуя,
Плетет(?)ся рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Лет_т кибитка удалая;
Ямщик сид_т на облучке
В тулупе, в красн_м кушаке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Художественные тексты А. Платонова имеют определенные особенности использования тюркизмов. Рассмотренные нами произведения дают ясное представление об особенностях использования Платоновым таких иноязычных вкраплений, как тюркизмы.

«Стиль объективного повествования», определяется общеупотребительной, нейтральной, а часто и разговорной (даже диалектной) лексикой, и используется А. Платоновым для раскрытия первого плана повествования – изображения реальной жизни. Этот стиль является социально значимым и затрагивает сферы устной народной словесности и межличностной коммуникации. Так, например, Платонов вводит в текст элементы народной речи для социально-речевой характеристики персонажей и применяет их в авторской речи для сниженной в экспрессивном плане оценки лиц, предметов и событий.

В повестях чувствуется трепетное отношение автора к Туркменистану. Изображение реальной жизни Туркменистана немыслимо без экзотизмов, использованных писателем. Индивидуально-авторский стиль А. Платонова оказал влияние на употребление тюркизмов в текстах созданных им художественных произведений. Лексические единицы (тюркизмы) используются А. Платоновым для выделения национально-исторических, культурных и языковых особенностей народа Туркменистана на этапе советского строительства.

Проблема понимания функций иноязычных вкраплений в художественных текстах носит комплексный характер, поэтому изучается в разных аспектах: историко-научном, культурологическом, психологическом, функционально-стилистическом и т.д. Различие обусловлено тем, какие свойства художественного текста выходят на первый план.

В российской лексикологии классификации иноязычных слов

условно можно разделить на две группы. В первую группу входят универсальные классификации, а вторую группу составляют специальные классификации. К универсальным классификациям относятся классификация слов по тематическому признаку и хронологическая классификация иноязычных слов; а к специальным классификациям – классификация иноязычных слов по генетическому признаку и классификация иноязычных слов по степени ее освоенности. В нашей работе были выбраны универсальные классификации (классификация по тематическому признаку).

По тематическому признаку в текстах рассматриваемых произведений «Джан» и «Такыр» охвачены различные направления: *государственные и географические наименования, социальный статус и должность, жилище, постройки, представители животного мира, обозначение предметов быта и одежды, названия племен, блюда и напитки, имена собственные.* По морфологической принадлежности основная часть (более 75%) тюркизмов в текстах является именами существительными, так как тюркские заимствования выполняют преимущественно номинативную функцию, т.е. называют предметы или явления, у которых отсутствуют альтернативные названия в русском языке. Но также активно используются и производные от слов тюркского происхождения – субстантивные прилагательные. Перспективность данного исследования заключается в том, что функций иноязычных вкраплений изучаются в разных аспектах: историко-научном, культурологическом, психологическом, функционально-стилистическом. Также теоретические и практические материалы исследования возможно использовать при разработке проектной работы в школе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аракин В. Д. Тюркские элементы в памятниках русского языка монгольского периода / В. Д. Аракин. – Москва : Просвещение, 1974. – 148 с.
2. Архив А. П. Платонова : научное издание / Учреждение Российской академии наук, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького, Российский государственный архив литературы и искусства ; отв. ред. Н. В. Корниенко. – Москва : ИМЛИ РАН, 2009. – 696 с. – ISBN 978-5-9208-0341-2.
3. Баршт К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова / К. А. Баршт. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 320 с.
4. Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками / В. А. Богородицкий. – Казань : Татгосиздат, 1953. – 220 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2014. – 1534 с. : ил. – ISBN 5-7711-0015-3.
6. Буйлов В. В. Андрей Платонов и язык его эпохи. Раздел XX век. Русская словесность / В. В. Буйлов. – Москва : Просвещение, 1997. – 35 с.
7. Буйлов В. В. Атрибутивные и аналитические конструкции в контексте прозы Андрея Платонова / В. В. Буйлов. – Москва: Наука, 1996. – 328 с.
8. Бурибаева М. А. Тюркско-славянские языковые контакты на перекрестке времен и цивилизаций / М. А. Бурибаева // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика – № 2. – С. 15–22.
9. Валгина Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 191 с.
10. Варламов А. Н. Жизнь замечательных людей: Андрей Платонов / А. Н. Варламов. – Москва : Молодая Гвардия, 2011. – 546 с.
11. Верещагин Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин,

- В. Г. Костомаров. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Рус. яз., 1976. – 248 с.
12. Виноградов В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – Москва: Высш. школа, 1980. – 286 с.
13. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – Москва : Гос. изд-во художеств, лит., 1959. – 656 с.
14. Воробьев В. В. Триада язык – культура – личность как основа современной лингвокультурологии / В. В. Воробьев, Е. А. Морозкина, Ф. Г. Фаткуллина // Вестник Башкирского ун-та. – Т. 21. – № 2. – С.355–359.
15. Высочина. О. В. Понимание и адаптация иноязычного слова в сознании носителя языка : автореферат дис. кандидата филологических наук: 10.02.19 / Высочина Ольга Владимировна ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2001. – 19 с.
16. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. Монография. – Москва : Наука, 1981. – 140 с.
17. Добродомов И. Г. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке / И. Г. Добродомов. Вопросы лексики и грамматики русского языка. – Москва : Наука, 1967. – 374 с.
18. Елистратов В. С. Образные сочетания слов в прозе А. Платонова. / В. С. Елистратов. – Москва : Просвещение, 1993. – 95 с.
19. Есафьева О. О. О роли противопоставлений в ранней прозе А.Платонова (на примере рассказа «Чульдик и Епишка») / О. О. Есафьева. – Языковая политика и вопросы гуманитарного образования. Сборник статей II Международной научно-практической конференции, посвящённой 30-летию кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка». – Пенза, ПГУ, 2017. – 168 с.
20. Зюбина Л. И. О некоторых формах авторского повествования в рассказах А. Платонова. / Л. И. Зюбина. – Воронеж : [б. и.], 1970. – 44 с.
21. Ибрагимова В. Л. Основные принципы исследования словарного состава современного русского языка / Ф. Г. Фаткуллина, В. Л.

Ибрагимова // Вестник Башкирского университета. – 2010. – № 2. – С. 320–324.

22. Каримуллина Г. Н. Тюркизмы в русской лингвографии XVIII-XX вв. : семантико-функциональный аспект: автореферат дис. кандидата филологических наук : 10.02.01 / Каримуллина Гузель Нурутдиновна ; гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2007. – 19 с.

23. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – Москва : Наука, 1968. – 208 с.

24. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – Москва : Энциклопедия, 1990. – 682 с. : ил. – ISBN 5-85270-031-2.

25. Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка / Е. В. Маринова. – Москва : ФЛИНТА, 2013. – 296 с.

26. Маркунас И. А. Особенный язык прозы Андрея Платонова (по рассказам «Юшка» и «Корова») / И. А. Маркунас. – Уфа : Лето, 2011. – 109 с.

27. Матвеева И. И. Резцом эпох и молотом времен... . Судьба и творчество Андрея Платонова / И. И. Матвеева. – Москва : [б. и.], 2019. – 181 с.

28. Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана: Монография / В. В. Воробьев, А. К. Сулейманова, Ф. Г. Фаткуллина, Р. Х. Хайруллина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. – 208 с.

29. Платонов А. П. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920-1950 гг. / А. Платонов; сост., вступ. статья, ком. Н. Корниенко и др. – Москва : Астрель, 2013. – 685 с.

30. Платонов А. П. А. Платонов. Сочинения. Научное издание. Том 1, Книга 1, 1928 – 1932 / А. П. Платонов. – Москва : Слово, 2004. – 586 с.

31. Платонов А. П. Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. Сборник. / А. П. Платонов. – Москва :

Современный писатель, 1994. – 496 с. – ISBN 5-265-02285-6.

32. Платонов А. А. Пролетарская поэзия / А. А. Платонов // Кузница. – 1922. – № 8 – С. 34.

33. Платонов А. П. Котлован / А. П. Платонов. – Москва : Издательство АСТ, 2021. – 192 с. – ISBN 978-5-17-114186-8.

34. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию / Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. – Москва : ЧеРо, 1999. – 400 с.

35. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова ; РГБ. – Москва : Айрис-Пресс, 2005. – 443 с. – ISBN 5-8112-1344-1.

36. Селищев А. М. Избранные труды. / А. М. Селищев. – Москва : Просвещение, 1968. – 640 с.

37. Словарь тюркизмов в русском языке / сост. Е. Н. Шипова. – Алма-Ата : Наука, 1976. – 444 с.

38. Толковый словарь живого великорусского языка / сост. В. И. Даль. – Москва : Тип. Товарищества М. О. Вольф, 1880. – 808 с.

39. Толковый словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва: Азъ, 1994. – 907 с. : ил. – ISBN 5-85632-007-7.

40. Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат / Л. Н. Толстой. – Москва : Олма Медиа Групп, 2011. – 306 с.

41. Фаткуллина Ф. Г. Тюркизмы в русской лингвокультуре / Ф. Г. Фаткуллина, А. К. Сулейманова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20435> (дата обращения: 9.02.2023).

43. Фаткуллина Ф. Г. Топонимы как компонент языковой картины мира / Ф. Г. Фаткуллина // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1 – С. 875.

44. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. /

Д. Н. Шемелев. – Москва : Наука, 1973. – 41с.

45. Щукин В. Г. Лингвистические аспекты проблемы идиолекта: Автореф. дис. . канд. филол. наук. / Щукин Валерий Григорьевич; ЛГУ им. А.А. Жданова. – Ленинград : [б. и.], 1978. – 18 с.

46. Юдина Н. В. Лексическая совместимость в когнитивном состоянии (на материале конструкции «прилагательное + существительное»): Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук. / Юдина Наталья Владимировна ; Институт языкознания РАН. – Москва : [б. и.], 2006. – 40 с.

47. Юналеева Р. А. Тюркизмы в русской классике: словарь с текстовыми иллюстрациями / Р. А. Юналеева. – Казань : Таглитат, 2005. – 752 с.

48. Rona-Tas A. An Introduction to Turkology, Szeged / A. Rona-Tas. – URL: http://acta.bibl.u-szeged.hu/38749/1/altaica_033.pdf (31.5.2020.).